

Кризис означает суд

Мир переживает кризис. Эта истина стала уже достоянием масс. Понять смысл ея — главная задача нашего времени, задача не теоретическая, а насущно-жизненная. Вѣдь, кризис есть не только крушеніе опредѣленной идеологии, но взрыв самых основ нашей жизни. Он расшатывает государство, разстраивает производство, уничтожает народное хозяйство, выбрасывает на улицу миллионы безработных, деморализует общество, грозит неслыханными бѣдствіями. Никто не может устраниваться от него: он врывается в семью, в частную жизнь, в личную судьбу каждого, поражает его в самое сердце, ставит вопросы, требует к отвѣту. Необходимо принимать какія-то рѣшительныя мѣры, дѣйствовать немедленно — вопрос, дѣйствительно, идет о жизни и смерти.

Но прежде, чѣм бороться с врагом, нужно его узнать, увидѣть его подлинное лицо.

Что природа кризиса не исчерпывается экономическими послѣдствіями міровой войны; понимают теперь и экономисты. Даже материалисты твердят уже, что человѣчество переживает кризис моральный, духовный. Пусть под словом «духовный» они подразумѣвают нѣкую расплывчатую туманность, — все же симптоматично, что homo economicus наших дней заговорил о духѣ.

В чем же смысл кризиса?

Міровая исторія подчиняется закону приливов и отливов. Послѣ огромной волны духовнаго творчества, нараставшей на всем протяженіи Средних Вѣков и доплеснувшей до Возрожденія, начался отлив. Со времен гуманизма духовная энергія идет на убыль, мелѣет религиозная жизнь, омірщается христіанство. Французская революція закрѣпляет в формулах своих «Прав человѣка и гражданина» то, что уже совершилось в человѣческих душах. Деятнадцатый вѣкъ заканчивает процесс дехри-

стіанізації міра, лицемѣрно прикриваясь опустошеними формами. Двадцятий вѣк — вѣк изобличенія и обнаруженія — срывает покров и открывает подлинное антихристiанское лицо мнимой «христiанской культуры».

Это является неожиданностью только для тѣх, кто видѣл лишь блестящую поверхность прошлаго вѣка и не проникал в его сокровенную сущность. О том, что в европейской культурѣ не все благополучно, что обманчивая видимость скрывает гніеніе и разложеніе, знали всѣ, одаренные духовным зрѣніем. Голоса, предостерегающіе, обличающіе, пророчествующіе, голоса гнѣва и отчаянья, звучали не умолкая. О «мерзости запустѣнія» и грудущем судѣ кричали Леон Блуа, Пѣги, Ибсен, Киркегор, Достоевскій, Владимiр Соловьев. Но их не слышали. Они были людьми из подполья, и от них шарахались в сторону, как от безумцев. И только теперь, когда подземные взрывы на наших глазах разворачивают глубинные пласты жизни, — «подполье» выбрасывается на поверхность, а поверхность проваливается в бездну. Теперь эти пророческіе голоса преслѣдуют нас, гремят и заглушают всѣ привычные шумы.

Если природа кризиса — духовна, то единственно возможным смыслом его может быть смысл религіозный. Начиная с эпохи гуманизма, человекство медленно, но неуклонно уходило от Бога. Это было трагическое повтореніе грѣхопаденія — попытка освободиться от Бога, пожить «по своей волѣ»; самоутвердиться без Него и против Него. А достигнув свободы — головокруженія от бездонной пустоты, — человек сам стал богом, и сам себѣ поклонился. вмѣсто Богочеловѣка Иисуса Христа вознесся Человѣкобог, сверхчеловѣк Ницше, которому «все позволено».

Страшную борьбу этих двух начал Достоевскій формулировал с гениальной силой: «Произошло столкновеніе двух самых противоположных идей, которыя только могли существовать на землѣ: Человѣкобог встрѣтил Богочеловѣка, Аполлон Бельведерскій — Христа».

Христiанство учит о божественном образѣ в человекѣ и только на христiанской почвѣ мог возникнуть гуманизм. Но божественное начало в человекѣ обусловлено исключи-

т е л ь н о его связью с Богом: человек свѣтится божественным свѣтом, если на него падает луч Божественнаго Солнца. Но потушите солнце, и человек померкнет: от него остается горстка праха, кусок глины, из которой был сотворен Адам. Гуманисты залюбовались сіяніем человека и, чтобы ничто не мѣшало этому любованію, потушили солнце. Они заявили, что человек — бог сам по себѣ, что он не луч, а само солнце. И как только эта новая вѣра была торжественно провозглашена, образ человека начал темнѣть и искажаться; он засвѣтился зловѣщим, демоническим мерцаніем; стал множиться и распыляться на атомы. Этот процесс разложенія души добросовѣстно запротоколирован в философіи, искусствѣ и литературѣ новаго времени. От Бальзака, через Достоевскаго и до Пруста, европейскій роман безпощадно судит безбожнаго человека.

Став Богом не по благодати, а хищеніем, человек пожелал «устроиться на землѣ без Бога». Слова о «Царствіи Божіем на землѣ» повторялись на всѣ лады людьми, которые давно в Бога не вѣрили: ибо, отрекаясь от христіанства, они не могли противопоставить его истинѣ свою истину. Истина одна и противопоставлять ей можно только ея искаженія и извращенія. Весь XIX вѣк жил в этой двусмысленности и лжи: возстав против христіанства, он, однако, питался крохами, падавшими со стола его. Стол был давно опрокинут, но крох, валявшихся на землѣ, все же хватило на то, чтобы в теченіе цѣлаго вѣка человечество не погибло от голодной смерти. Как ни затоптаны в грязь были эти крохи, христіанская с у б с т а н ц і я их была вполне очевидна. Безбожникам приходилось повторять за Христом слова о свободѣ, равенствѣ, братствѣ, о любви к ближнему, о цѣнности человеческой души, о социальной справедливости, о Царствіи Божіем, об уваженіи к личности, об автономіи совѣсти. И нѣкоторое время могло казаться, что попытка устроить земной рай, упразднивъ Бога, не безнадежна. Грандіозный расцвѣтъ матеріальной цивилизаціи как будто свидѣтельствовавал об удачѣ. Человек покорил себѣ силы природы, техника становилась всемогущею магіей; прогресс обѣщал окончательно преодолѣть социальное зло; наука побѣждала страданія и собиралась побѣдить смерть; экономическое благополу-

чіе стремительно возрастало. Казалось, человечество у самой цѣли. Еще немного, и распахнутся врата земного рая. Это была эпоха позитивизма, оптимизма, Тэна, Ренана и лозунга «Enrichissez-vous».

И вдруг все сорвалось. Земной рай не удался, а удалась мировая война. И послѣ нея — кризис, т.-е., в переводѣ с греческаго, «суд».

В наши дни судится гуманизм, обличается его исконная ложь. Рушится воздвигнутое им учение о безбожном человѣкѣ.

Убив Бога, гуманизм с логической необходимостью должен был завершиться убійством человѣка, ибо эти понятія соотносительны и, если нѣтъ Бога, то нѣтъ и человѣка. Опредѣляя человѣка снизу — от физиологін, соціологін, экономики, мы доходим до біологическаго индивида, но не можем подняться до автономной личности. Нельзя производить человѣка от обезьяны и в то же время требовать от него человѣкобожества. Гуманизм жил лицемѣріем и двусмысленностью. Рано или поздно они должны были обнаружиться.

Отвергнув званіе «сына Божія», человѣк не может долго удержаться на промежуточной позиціи «чистаго человечества». Инерція паденія неизбѣжно влечет его на дно. «Человѣк» есть лишь краткая остановка на пути от Бога к звѣрю. Эпоха гуманизма кончилась. Может начаться эпоха бестіализма. Нѣкоторые пессимисты думают, что она уже началась, что самая страшная предчувствія Достоевскаго осуществились, и что человечество уже превращается в безликое стадо. Нельзя отрицать, что современная коллективизація, диктатура над совѣстью, угасаніе любви к свободѣ, разнузданіе звѣриных инстинктов крови и расы — все это очень напоминает Легенду о Великом Инквизиторѣ Достоевскаго.

Но с другой стороны, в наше время столь же несомнѣнно пробужденіе духовных сил, возрожденіе христіанства и рост сопротивленія звѣрю.

Кризис-суд не только не закончился, он расширяется и углубляется с каждым днем. Человѣчество поставлено перед дилеммой — или возвратиться к Богу или превратиться в звѣря. Каждая человѣческая душа должна дать отвѣтъ, сдѣлать вы-

бор, — от этого зависит ея вѣчная, метафизическая судьба.

Суд — всеобщій: вся «трепещущая тварь» предстоит перед Судіей — и Он обращается к каждому, называя его по имени, и к христіанам, и к не-христіанам, и к богоборцам и к язычникам.

Что наше время — судное, умом понимают почти всѣ. Но многіе ли прониклись сознанием всей потрясающей отвѣтственности своего положенія?

Леон Елуа писал страшныя слова о «мертвых душах»: «Ужасно подумать, что мы живем среди толпы мертвецов, которые кажутся живыми; что друг, товарищ, быть-может, брат, котораго я видѣл сегодня утром и котораго снова увижу вечером, обладает только органической жизнью, видимостью жизни, карикатурой на бытіе, и что на самом дѣлѣ он почти ничѣм не отличается от трупов, разлагающихся в своих гробах. Невыносимо думать, что я, напримѣр, мог родиться от отца и матери, которые не были живы... А между тѣм всѣ эти призраки функционируют с безукоризненной правильностью».

Да, «мертвыя души» не безумный бред фантаста Гоголя, а самая настоящая реальность.

И вот наступает день, когда всѣ эти мертвые проснутся. Тревога все шире охватывает мір, будит спящих, беспокоит любящих покой, терзает, преслѣдует, не отступает, не дает передохнуть. И долг христіан, долг простого человѣколюбія — усиливать эту тревогу, увеличивать безпокойство, призывать к бодрствованію. Спящіе должны проснуться и мертвые возстать.

Каждому в упор должен быть поставлен вопрос: что сдѣлал ты со своей душой? вѣдь, ты дашь о ней отчет Богу.

Время иллюзій, утѣшеній, духовнаго пацифизма прошло. Преступна всякая попытка сглаживать, смягчать, набрасывать покров. Необходима предѣльная острота и сила. Если человѣкъ спит в домѣ, охваченном пожаром, не приходится считаться с его сладкими сновидѣніями. Всѣ способы хороши, лишь бы его разбудить.

А мір, дѣйствительно, охвачен пожаром. Не будем же убѣждать себя, что это явленіе случайное, или временное, или мѣстное; что все уладится, если будут изданы новые декреты,

составлено другое правительство или еще раз созвана сессія Лиги Націй. Будем имѣть мужество взглянуть прямо в лицо тому, что в мѣръ происходит. И не забудем, что мы совсѣм не «высокихъ зрѣлищ зрители», а отвѣтственные и незамѣнимые участники в мировой драмѣ. Мѣръ потрясен в самых своих основах. Вот почему смысл переживаемаго может быть понят только в планѣ религіознаго сознанія.

Ни наука, ни философія объяснить этого не могут. Онѣ насквозь проникнуты, вѣрнѣе отравлены идеями развитія, эволюціи, прогресса. Для них новое всегда лучше стараго и завтра совершеннѣе сегодня. Онѣ оптимистичны и идеаличны. Конечный пункт, к которому привело послѣдовательное и гармоническое развитіе культуры — мировой кризис — кажется им вопіющим парадоксом. Онѣ продолжают еще дѣлать отчаянныя усилія, чтобы включить его, как необходимый момент, в свою діалектическую цѣпь. Но никто уже больше им не вѣрит.

Нужно преодолѣть в себѣ мировоззрѣніе XIX вѣка, отрѣшиться от всѣх его навыков и методов, нужно крайним напряженіем воли перестроить свою психику и увидѣть мѣръ заново. Сознаніе эволюціонное должно смѣниться сознаніем апокалиптическим.

А это значит вернуться к христіанству.

Теорія прогресса, возникшая в XVIII вѣкѣ, является кощунственной подмѣной христіанскаго ученія о Царствіи Божіем. Философы Просвѣщенія с легкостью разстались с Богом, но не могли разстаться с мечтой о раѣ. Этот рай они хотѣли насадить здѣсь на землѣ и притом без Бога. Ученіе о падшести челоувѣка было замѣнено ученіем о его безгрѣшности и способности к безграничному самосовершенствованію. Дѣло Христа оказалось ненужным, так как челоувѣкъ спасается собственными силами. Зло случайно и преодолимо и все к лучшему. Правда, появлялись иногда пессимисты (Шопенгауэр, Гартман), но их объявляли «внѣ закона», и голоса их тонули в ликующем хорѣ.

Христіанское ученіе о судьбѣ мѣра прямо противоположно. Оно не эволюціонно, а катастрофично, не оптимистично, а трагично. Исторія челоувѣчества начинается трагедіей грѣхопа-

денія и кончается трагедіей Страшнаго Суда. Мір лежит во злѣ, и в нем идет страшная борьба между добром и злом. До времени эти начала смѣшаны: плевелы растут вмѣстѣ с пшеницей, и их нельзя вырвать, не повредив пшеницы. Ложь тѣсно сплетена с правдой, порок слит с добродѣтелью. Ко всему чистому подмѣшана грязь, и все свѣтлое отбрасывает темную тѣнь. Зло прячется под личиной добра и добро прикидывается злом. Исторія міра совсѣм не есть прогрессивное накопление добра, систематическое преодоленіе зла в планѣ эмпирическом. Спаситель не знает, найдет ли Он вѣрующих в Него на землѣ в день Своего второго пришествія.

Исторія міра закончится ужасной катастрофой. «Возстанет народ на народ и царство на царство; и будут землетрясенія по мѣстам и будут глады и смятенія. Это — начало болѣзней... Предаст брат брата на смерть, и отец дѣтей; и возстанут дѣти на родителей и умертвят их... И будете ненавидимы всѣми за имя Мое... В тѣ дни будет такая скорбь, каковой не было от начала творенія, которое сотворил Бог, даже и донинѣ, и не будет. И если бы Господь не сократил тѣх дней, то, не спаслась бы никакая плоть». (Марк, XIII). Добру на землѣ не только не обѣщана побѣда, но, напротив, вся видимость пораженія. Міровой процесс приведет человечество не к земному блаженству, а к такой скорби, «какой не было от начала творенія». Гибель будет грозить всеи плоти, и только по милости Господней она не вся погибнет.

Слова страшныя, перед которыми цѣпенѣет ум! И слова истинныя, уже сбывающіяся. «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут».

Однако, при заревѣ конца міра не меркнет ли всякій смысл начала и середины?

Да и зачѣм вся міровая исторія, если она приводит к такому концу? В свѣтѣ Апокалипсиса не представляется ли она сплошным ужасом и безуміем?

Нѣтъ, потому что за скорбью послѣдних времен произойдет воскресеніе мертвых; Господь прійдет во славу, Сатана будет изгнан из міра, явятся новое небо и новая земля, и наступит Царствіе Божіе, когда Христос будет всѣм во всем.

На этом упованіи держится вся вѣра христіан, об этом мы молимся в молитвѣ Господней: «Да приндет Царствіе Твое», на этой надеждѣ стоят все Писаніе и всѣ пророки, без этого чаянія «суетна вѣра наша».

Другими словами, смысл исторіи — в метаисторіи. В планѣ естественной послѣдовательности, сцѣпленія причин и слѣдствій — исторія есть чудовищная бессмыслица. Ея смысл находится в ином измѣреніи бытія, в планѣ мистическом. Смысл времени лежит в вѣчности.

В эмпирической плоскости всѣ линіи исторіи ведут в дурную безконечность, упираются в жуткій бред Ницше о вѣчном повтореніи. И только Второе Пришествіе, вертикальной молніей низвергающееся с неба на землю, вонзается в эту плоскость, ставит конечную точку, спасает исторію от безумія.

Но если время поглотится вѣчностью, и Царствіе Божіе будет не органическим завершеніем исторіи, а катастрофическим ея упраздненіем, то какое значеніе имѣет вообще наше временное существованіе? К чему наши труды и дѣла, к чему наше созиданіе, если от него «не останется камня на камнѣ»? И не лучше ли нам застыть в неподвижности, скрестив руки и повторяя: «Ей гряди, Господи Іисусе!».

В исторіи христіанства бывали моменты такого напряженія эсхатологических чаяній. Люди бросали все, продавали имущество, бѣжали в пустыню или с пальмовыми вѣтвями восходили на горы встрѣчать Грядущаго. Но это были моменты не здоровья, а болѣзни христіанскаго сознанія. Человѣческой душѣ, разслабленной и затемненной непомѣрно трудно вмѣстить полноту христіанской истины, понять, что она ирраціональна и антиномична. Разум изнемогает перед противорѣчіями, которыми питается вѣра. И только в духовном опытѣ, в мистическом ясновидѣніи открывается тайна совпаденія противоположностей. Апокалипсис отмѣняет исторію и не отмѣняет. Вѣчность упраздняет время и она же — только она — его обосновывает. Второе пришествіе наступит в день и час, которых даже ангелы не знают, и вмѣстѣ с тѣм в строго опредѣленный момент, «когда исполнятся времена и сроки».

Таким образом время и вѣчность оказываются таинственно сопряженными, между ними есть нерасторжимая связь и каждое мгновение нашей жизни имѣет значеніе для вѣчности.

Міровая исторія «приготавливаетъ путь Господу» — в этом ея оправданіе.

Бесѣдуя с учениками о концѣ міра, Спаситель даетъ два образа — смоковницы и рождающей женщины. «Отъ смоковницы возьмите подобіе: когда вѣтви ея становятся уже мягки и пускаютъ листья, то знаете, что близко лѣто. Так, и когда вы увидите это сбывающимся, знайте что близко, при дверяхъ» (Марк, XIII, 28-29). «Женщина, когда рождает, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человекъ в мірѣ». (Іоани, XVI, 21).

Міровая исторія есть не развитіе, а созрѣваніе для суда и вѣчности, не совершенствованіе, а рожденіе в муках Царствія Божія. Зерна добра и зла, лежащія в почвѣ міра, должны прорости, дать плод и достигнуть полной зрѣлости. Все что скрыто в нѣдрах, в утробѣ матери, должно в муках родиться, выйти на свѣтъ; все тайное должно стать явным. Добро и зло достигнутъ своего полного выраженія, опредѣленности и напряженія. Всѣ двусмысленности будут сожжены, всѣ маски падут; свѣтъ будет отдѣлен отъ мрака, плевелы отъ пшеницы. Будетъ правая сторона и лѣвая сторона и не будетъ середины.

Мір долженъ быть готовымъ для суда, который и есть не что иное, какъ послѣднее разсѣченіе. Смыслъ міровой исторіи в самоопредѣленіи добра и зла, в отдѣленіи овецъ отъ козлищ, в возростаніи различій, в усиленіи противоположностей, в обостреніи борьбы враждующихъ силъ.

Когда не будетъ больше сѣрыхъ, а будутъ только бѣлые или черные, когда переведутся теплые и останутся только горячіе или холодные, тогда «вѣтви смоковницы станутъ мягкими и мы узнаем, что близко лѣто». Эсхатологическія настроенія нашей эпохи вырастаютъ изъ реальнаго опыта.

В наше время дѣйствительно происходитъ мобилизація противоборствующихъ силъ. Христіанство выходитъ изъ «благоденственнаго и мирнаго житія», изъ этого «паралича», в которомъ оно

пребывало в XIX вѣкѣ. Оно внутренне крѣпнет и перевооружается. К прошлому состоянію «нейтральности» возврата больше нѣтъ. Церковь перестает быть тихою пристанью усталых сердец, прибѣжищем для слабосильных и неприспособленных: она переходит на военное положеніе. Новая христіанскія поколѣнія охвачены активностью, бранным духом. Постыдное пребываніе христіан «не у дѣл» кончается; под гнетом преслѣдованій они начинают вспоминать о своем званіи «воинов Христовых». Господь принес на землю огонь и скорбѣлъ о том, что этот огонь не разгорается. Дух христіанства — «огнь по-ядающій» и природа его — свѣтъ. Мы вступаем в эпоху новаго христіанства и вѣрим, что перед лицом Суда огонь этот вспыхнет пламенем.

Но одновременно растут и анти-христіанскія силы. Толпы христіан отрекаются от Христа, возвращаются к язычеству или проповѣдуют воинствующій атеизм. Правительства огромных стран объявляют себя безбожными. Начинаются предсказанныя в Евангеліи гоненія на вѣрующих. Возрождается исповѣдничество и мученичество. Никогда еще, кажется, не была так сильна вѣра вѣрных и безбожіе невѣрующих. Малодушные христіане ужасаются количественными успѣхами атеизма. Пусть они вспомнят, что религія не знает количества, а знает только качество, и что одна истинно увѣровавшая душа драгоцѣннѣе всего міра. Христос никогда не обѣщал нумерическаго преобладанія христіан, не сулил своим послѣдователям земного могущества. Но он побѣдил мір.

Если массы людей, бывших христіанами только по имени, открывают свое настоящее языческое лицо, это значит, что наступает время обличенія всякой лжи. Если государство превращало церковь в департамент духовных дѣл и в орудіе своей земной политики, прикрываясь христіанскою вывѣскою, то это было зло, которое губило церковь и развращало государство. И теперь, когда оно становится откровенно языческим и богороческим — и эта дождь обличается.

От всѣх отступничеств, отреченій и предательств истинное христіанство только крѣпнет. Недостойные христіане уже не

могут болѣе соблазнять своим лицемѣріемъ малыхъ сихъ. Кесарь не можетъ устраивать міровыя бойни, кощунственно призывая имя Христа, богачъ эксплуатировать бѣдняка, оставаясь благочестивымъ прихожаниномъ своего храма.

По рассказамъ очевидцевъ в Россіи, в заброшенныхъ деревенскихъ церквахъ «обновляются» старыя иконы: почернѣвшія ризы и померкшіе, почти исчезнувшіе лики святыхъ вдругъ начинаютъ сіять яркимъ серебромъ и свѣжими красками.

Такъ в наше время «обновляется» древній ликъ христіанства.

Если мы не всуе в молитвѣ призываемъ Царствіе Божіе, мы должны всѣми силами ускорять его пришествіе, т.-е. помогать міру выйти изъ состоянія смѣшенія и содѣйствовать каждой человѣческой душѣ в ея свободномъ самоопредѣленіи.

Этимъ мы не насилуемъ чужой свободы, не навязываемъ своей вѣры, а, напротивъ, помогаемъ нашему ближнему вполне осознать свою свободу и отвѣтственность. Мы объясняемъ «нейтральнымъ», что в духовномъ смыслѣ нейтралитета не существуетъ; что есть маловѣріе и богоборчество, но нѣтъ невѣрія; что человекъ не можетъ отречься отъ своей свободы, уклониться отъ выбора. Ибо воздержаніе отъ выбора уже есть выборъ. Каждый нашъ шагъ, каждый поступокъ есть рѣшеніе. Человѣческая душа такъ создана Богомъ, что она не можетъ жить внѣ религіознаго сознанія. То, что кажется невѣріемъ, есть тоже вѣра, только с обратнымъ знакомъ и другой устремленностью. Человеку можетъ почудиться, что онъ «чуждъ религіи» потому, что онъ никогда не заглядывалъ в свою душу. Онъ можетъ быть такъ поглощенъ суетой жизни, что в немъ померкнетъ сознаніе свободы. Мы не станемъ ему говорить: «Вѣруй, какъ я вѣрую». Мы ему скажемъ: «Узнай самого себя и свободно рѣши свою вѣчную судьбу». Человекъ бродитъ впотѣмахъ и ощупью выбираетъ то или другое. Большею частью его выборъ случаенъ и безсознателенъ. Онъ не знаетъ, во что онъ вѣритъ и что вообще онъ вѣритъ. Нужно показать ему христіанскую истину во всей ея чистотѣ и полнотѣ и предоставить его свободѣ — принять ее или отвергнуть.

Христос сказал: «Кто не со Мною, тот против Меня, кто не собирает со Мною, тот расточает».

Каждый должен отвѣтить: «да» или «нѣтъ», ибо все прочее — от лукаваго.

Сыны вѣка сего бывают догадливые сынов свѣта, и враги Христа, в ненависти своей, часто прозорливѣй учеников Его. Они знают, куда направлять удары, чтобы поразить жизненный центр христіанства. Они соблазняют людей хлѣбами, как нѣкогда Дьявол искушал Спасителя в пустынѣ. Они общаются земное благополучіе и могущество в обмѣн за свободу. Коммунисты в Россіи, фашисты в Германіи и Италиі осуществляют с полным успѣхом план Великаго Инквизитора: снимают с людей «непосильное бремя» свободы, поработают не только тѣла, но и души. В молодых поколѣніях сознание свободы слабѣет; у их дѣтей может исчезнуть самый вкус к свободѣ. Тогда не останется ни клочка земли, на которой только и может прозябнуть сѣмя евангельскаго Святеля. Вѣдь христіанство и есть свобода. «Познайте истину, говорит Господь, и она сдѣлает вас свободными». вмѣстѣ с уничтоженіем свободы, будет уничтожена и человѣческая личность, ибо без свободы нѣтъ личности, а есть лишь біологическій индивид. Только в свободѣ самоопредѣленія и выбора возникает личность.

И наконец: гибель личности означает гибель творчества: индивиды не творят, не дѣйствуют, а подчиняются и приспосабливаются. Они пассивны и безличны: слѣпо повинуются законам необходимости; вожди пасут их жезлами желѣзными.

Свобода, личность, творчество — три образа единаго Духа животворящаго. И тревога об угасаніи этого духа — не есть смутное предчувствіе будущаго, а свидѣтельство о настоящем. Наша литература, наше искусство, наша цивилизація кричат о том, что этот процесс уже начался, что он все расширяется и углубляется, что самыя ткани нашей культуры поражены этой страшной проказой.

И мы знаем, чей это Дух и кто его гасители. Мы знаем, что силам разрушенія мы можем противопоставить одно только имя — имя Христа. Ибо только в Нем оживает свобода, рождается личность и осуществляется творчество. Тлѣніем ды-

шит наша опустошенная, поработанная, механизированная, безчеловѣчная, безжизненная жизнь. Весь мѣръ превращается в машину, вся природа в мертвую матерію, мы сами становимся в е щ а м и . И этому разрушенію, именуемому «прогрессом», мы должны противопоставить нашу вѣру в созиданіе. Только Тот, кто «попрал смертію смерть», даст нам силы творить жизнь вѣчную. Перед лицом суда, страшным усиліем всей еще оставшейся у нас свободы мы должны выбрать путь творчества, т. е. путь религиозный. Всѣ мы призваны к христіанскому строительству, к тому созиданію храма, о котором говорит апостол Павел. Всѣ мы участвуем в возведеніи стѣн Новаго Іерусалима, в осуществленіи Царствія, о пришествіи котораго молимся. Каждое наше творческое усиліе приближает его наступленіе. И вѣра, что оно близко, «при дверях», удесятерит наши силы. От нас зависит сократить сроки, положить предѣлъ морю зла и страданій, заливающему землю, приблизить мгновение, в которое «времени больше не будет».

Если мы не строим, мы разрушаем.

«Кто не собирает со Мною, тот расточает».

К. Мочульскій.

От редакціи. Давая мѣсто сильной и убѣжденной статьѣ К. В. Мочульскаго, как выражающей ту напряженность вѣры, без которой невозможно никакое христіанское дѣло, мы однако считаем должным заранѣе предупредить от возможным недоразумѣній. То эсхатологическое пониманіе христіанства, которое развивается К. В., для многих может показаться несомѣстимым с земным, конкретным строительством. В русском сознаніи слишком велик соблазн оправдывать эсхатологизмом отказ от всякаго социальнаго дѣланія. Статья К. В. не вносит достаточной ясности в его собственное отношеніе к этому жгучему вопросу христіанской социологіи. Оставляя за собой право вернуться в дальнѣйшем к обсужденію этой темы — взаимоотношенія христіанской эсхатологіи и социологіи — мы считаем теперь же необходимым подчеркнуть: «Новый Град» стоит по-прежнему на почвѣ земной дѣйствительности. Град, в созданіи котораго мы хотим принять посильное участіе, есть земной, человѣческой город, котораго мы не смѣшиваем с обѣтованным Небесным Іерусалимом. Смѣшеніе двух планов было бы роковым для всякаго опыта христіанской политики и культуры. Но что земной град не есть только вавилонская башня, и что строительство его может и должно вдохновляться идеальным образом небеснаго Іерусалима, это для нас безспорно. Надѣемся, что это ясно и для наших читателей.